

НЕНЕЦКИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ

● ТЕКСТ | Владимир СОЛОВЬЕВ, фото автора

Первое, что посчитал нужным сообщить о Нарьян-Маре сотрудник администрации, сопровождавший нас из аэропорта в город, это что в столице НАО теперь есть уже четыре светофора. Для города с населением почти 19 тыс. жителей это, наверное, немало. Тем более, что по уровню автомобилизации населения Нарьян-Мар уступает только Москве, а если отнести эту и без того относительную цифру еще и к протяженности автодорог — 22 км — то первенство по России точно обеспечено. «У нас тут уже и пробки в часы пик бывают», — с иронией, сквозь которую можно было различить гордость, сообщил провожатый.

Однако разговор пойдет не о перекрестках, ситуацию на которых можно, в конце концов, отрегулировать светофорами. В Ненецком автономном округе есть пересечения проблем, которые в принципе трудно урегулирутся. О них и речь.

Красноречивее цифр, как известно, нет ничего. Так вот, 95 % промышленного производства НАО составляет нефтегазодобыча. То есть,

главные богатства этого субъекта федерации находятся под землей, ведь территория округа покрывает северную часть богатейшей Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции, уже открытые и освоенные месторождения которой разрабатывают почти полтора десятка российских и совместных с западным капиталом предприятий.

Еще одна цифра: в структуре земель сельскохозяйственного назначения олени пастбища составляют без малого три четверти территории округа. И вот первое — буквально! — пересечение интересов экономики округа и сохранения идентичности коренного населения: как кочевать оленеводам-ненцам со своими стадами по тундре, расчерченной нитками нефте- и газопроводов?

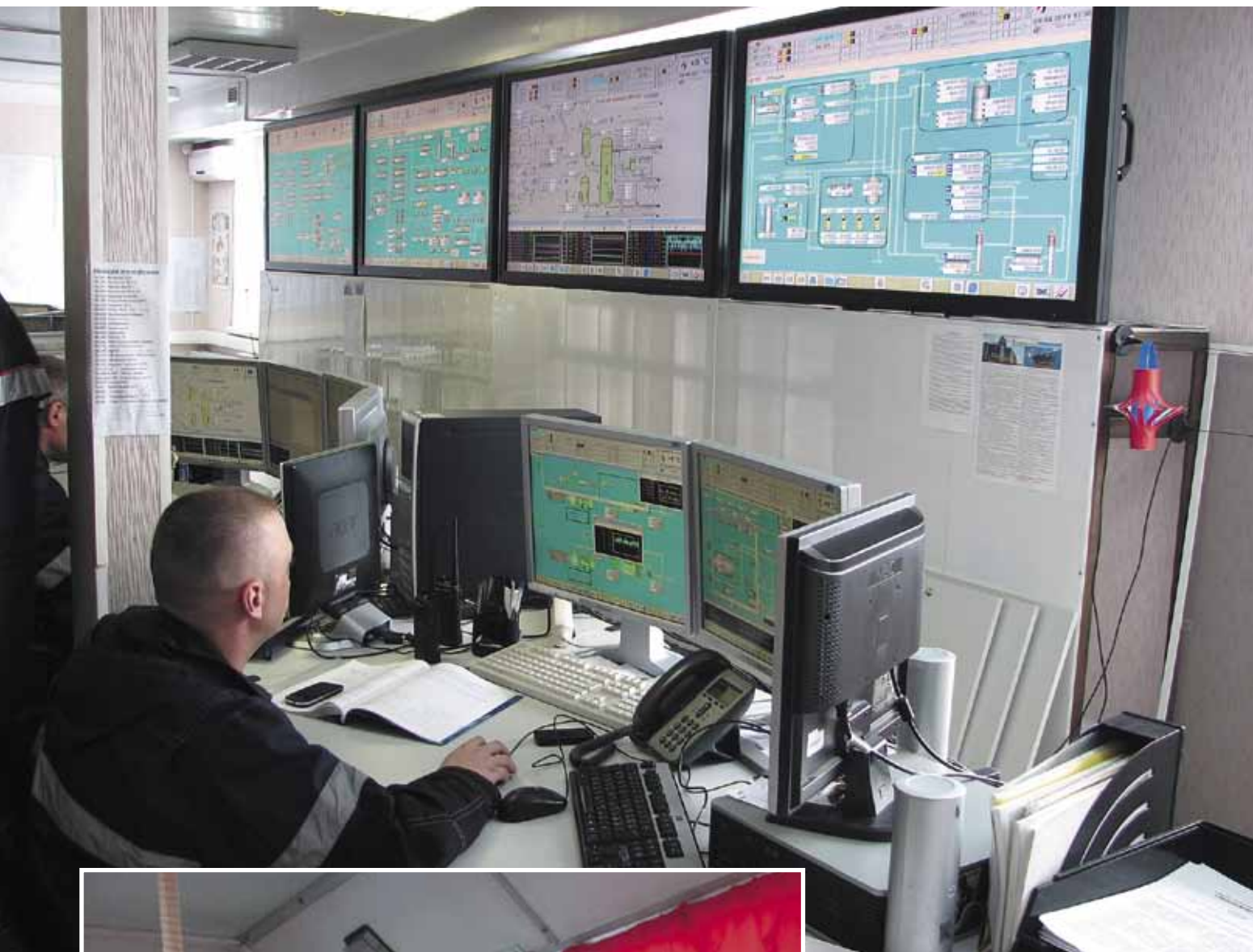
Вахта у скважины

ООО «Нарьянмарнефтегаз» — совместное предприятие «Лукойла» (70 %) и американского ConocoPhillips (30 %) — осваивает и эксплуатирует 11 нефтяных и газовых месторождений на территории НАО. Месторождение Южное Хыльчую в 128 км к северо-востоку от Нарьян-Мара, одно из крупнейших (доказанные запасы нефти — более 500 млн баррелей), оснащено уникальным оборудованием. Уникальность этого промысла заключается в том, что нефть очищается от меркаптанов — тяжелых сернистых соединений — прямо на месте добычи, а не на нефтеперерабатывающих заводах. Такая обработка,

во-первых, повышает качество нефти, а значит, удорожает ее, а во-вторых, обеспечивает попутную добычу серы, которой тоже можно торговать. От сероводорода очищается, кстати, и попутный газ, что делает его пригодным для использования на энергоустановках собственной электростанции, мощности которой, к слову, хватило бы для энергообеспечения четверть-миллионного города...

По советским пропагандистским канонам нефтяник — чумазый, в жирных нефтяных разводах на счастливом лице пролетарий, он сверлит дыры в земле, из которых триумфально бьют нефтяные фонтаны. Ничего подобного на современном нефтедобывающем предприятии нет. 30-дневная вахта трудится в современных интерьерах, где автоматизировано и компьютеризовано абсолютно все: от учета производительности каждой скважины до наблюдения с помощью видеокamer за трубопроводом на всем его 158-километровом протяжении до отгрузочного терминала Варандей на берегу Баренцева моря. «Интересно смотреть, когда вплотную к камере подходит олень или россомаха», — говорит оператор наблюдения.

Но самое интересное все же люди. Предприятие нам показывал заместитель директора нефтепромысла по технологии Геннадий Бударин. 30-летний выпускник Томского политехнического университета замещал в свою вахту директора промысла, где на территории 164 га трудятся

269 человек персонала и добывают 11 тыс. т нефти в сутки. «В течение месяца вы практически исполняете роль директора, не давит ли такая ответственность?» — спросил я Геннадия. На это он с улыбкой сообщил мне, что если я о возрасте, то отсутствующему в данный момент директору тоже тридцать...

Подход к подбору персонала в «Нарьянмарнефтегазе» более чем серьезный. И если топ-менеджмент предприятия — «штучный товар», то рядовые нефтяники проходят очень серьезный отбор. Трудятся тут люди со всей страны, с нескольких сборных пунктов раз в неделю они прибывают на промысел «стоять вахту» — ежедневно по 12 часов без выходных в течение месяца. Потом месяц отпуска, который оплачивается так же,

как и месяц работы. Строгость режима диктуется и сложностями технологии, и естественными опасностями работы с горючими материалами и во взрывоопасных условиях: при всех условиях герметичности за сложнейшим оборудованием на территории предприятия нужен постоянный пригляд — автоматики и человека. Причем гарантированно трезвого человека. Поэтому на территории промысла царит строжайший сухой закон: только за попытку пронести бутылку спиртного следует немедленное увольнение, а на сервисную либо подрядную организацию, которая ответственна за нарушителя, налагается штраф — 200 тыс. рублей. Слишком строго?.. А сколько может стоить устранение ЧП или хотя бы эвакуация пострадавшего по собственной вине работника, если всего один полетный час вертолета стоит 80 тыс. рублей?

- **Уникальность этого промысла заключается в том, что нефть очищается от меркаптанов — тяжелых сернистых соединений — прямо на месте добычи, а не на нефтеперерабатывающих заводах. Такая обработка, во-первых, повышает качество нефти, а значит, удорожает ее, а во-вторых, обеспечивает попутную добычу серы, которой тоже можно торговать**

В день, когда мы посетили промысел, табло в фойе административного корпуса сообщало, что уже 602 дня предприятие работает без несчастных случаев.

А олени — лучше?

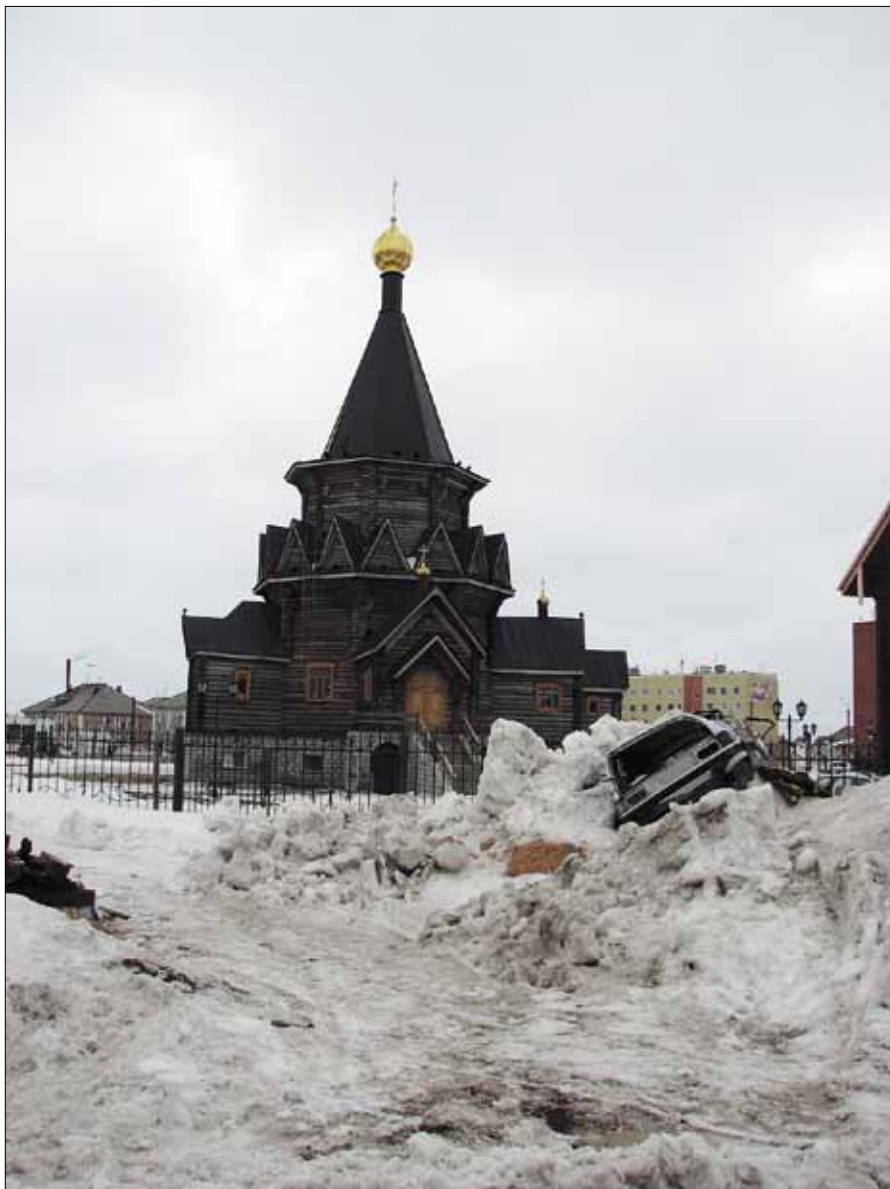
Как ни странно, но основная помеха оленеводства — не нефтедобытчики, а, по выражению председателя собрания депутатов НАО Игоря Кошина, «двуногие хищники». Если бы возможность ввести сухой закон подобно тому, что действует на нефтепромысле, была в стойбищах, проблем у оленеводов было бы гораздо меньше. Организм коренного жителя Заполя-

рья обладает, к сожалению, специфическим метаболизмом, который не дает шанса противостоять алкоголю, сразу «включая» зависимость. Этим и пользуются злоумышленники, спавивая ненцев, чтобы практически за бесценок взять у них оленей.

Проблему же миграции стад научились решать цивилизованно: ни один проект трубопровода не утверждается сегодня без консультаций со специалистами из оленеводческих хозяйств. Только они знают, где и сколько нужно сделать проходов для оленьих стад, чтобы общая их численность в округе — 160 тыс. голов — могла относительно ком-

фортно сосуществовать в своем ареале с недропользователями.

Журналистам из Петербурга предоставили возможность познакомиться с бытом жителей стойбища, организовав поездку в расположенный рядом с Нарьян-Маром чум. Хозяин чума Матвей объяснил гостям основы «чумовой жизни», а его соратник, шаман Коля (так он сам представляется, так он известен всему Нарьян-Мару, и даже в Интернете поисковик по этой скромной наводке запросто выдаст вам его портреты и соответствующие публикации) предсказал желающим их будущее. Правда, прошлого вашего корре-

спондента шаман Коля правильно не разглядел.

В действительности чум этот — бизнес-проект Матвея, который регулярно принимает у себя гостей столицы НАО. Недавно побывали у него даже первые интуристы! Не особо смущаясь, нам рассказали, как «с наваром» удалось заезжей итальянке продать несколько шубок китайского производства, она была в восторге и обещала приехать сюда еще раз и привезти подругу. Такой бизнес...

Реальная жизнь оленеводов, конечно, ничего общего с этим этнотуристским проектом не имеет. Об этом рассказала нам Ангелина Ардеева, штатный советник губернатора НАО Игоря Федорова по вопросам коренных малочисленных народов Севера и первый президент общественного движения «Ассоциация ненецкого народа «Ясавэй». Традиционный образ жизни ненцев, оленеводство — вовсе не отрасль сельского хозяйства, это действительно образ жизни, невозможно ему обучить. И, тем не менее, необходимо создание института оленеводства, потому что цивилизация уже изменила многое в жизни ненцев. Взять хотя бы то, что оленьим упряжкам многие предпочитают теперь «Бураны», но даже это в корне меняет экономику семейно-родовой общины! Однако просчитывать последствия принятия тех или иных решений, меняющих традиционный уклад, мало кто может — привыкли уже, что многое от государства достается «за так», а рынок не прощает иждивенчества...

Необходим и закон об оленеводстве. Кстати, законопроект такой был готов еще, когда Президентом России был Ельцин, более того, он прошел все согласования, все инстанции и лег на подпись Президенту, но подписан так и не был. Можно только предполагать, какие силы затормозили на долгие годы этот закон, но необходимость его принятия остается актуальной по сей день.

Ангелина Ардеева — историк-этнограф, главный редактор журнала «Слово тундры» о проблемах коренных народов. Ее называют «грозой нефтяников», но она не дает спуска и

«своим». Нужно было видеть и слышать, с какой обидой она говорила о телепрограмме на ненецком языке, получившей главный приз на первом профессиональном конкурсе журналистов НАО «Золотое перо»! А и всего-то дело в том, что правивший в кадре оленьей упряжкой держал хорей — шест, которым управляют оленями — не в той руке и посадка его в нартах была не «правой», а «левой». Пустяк? Как бы не так!

«С такой посадкой едут в мир иной...»

- **Традиционный образ жизни ненцев, оленеводство — вовсе не отрасль сельского хозяйства, это действительно образ жизни, невозможно ему обучить. И, тем не менее, необходимо создание института оленеводства, потому что цивилизация уже изменила многое в жизни ненцев. Взять хотя бы то, что оленьим упряжкам многие предпочитают теперь «Бураны», но даже это в корне меняет экономику семейно-родовой общины!**

Не знаю зачем, но, уверен, зачем-то нужно уметь прочитывать эти мистические символы и образы, если приходишь жить и работать на землю, где издревле жили люди по своим, малопонятным пришлому человеку законам. Жили тяжелой жизнью, которая единственно и возможна была на этой суровой земле — ведь удобства и комфорт жизни не могут обеспечить ее смысл.

А вот, кстати, довольно яркий символ нынешней жизни в Заполярье: двухэтажный, покосившийся, глухих советских годов постройки барак, где сколько окон по фасаду — столько тарелок-антенн... Сосуществование несовместного... Этих бараков становится все меньше в Нарьян-Маре, новые яркие дома с разноцветными крышами меняют облик города, но...

Хочется уже символов пооптимистичней.